УДК 327+008 (061.1 ЄС)

Жангожа Р.Н.,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник
ГУ «Институт всемирной истории НАН Украины»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматривается современная социально-политическая ситуация в Российской Федерации, находящейся в фазе поиска государственно образующей концепции-идеологемы, выступающей консолидируюшей идеей для различных региональных социальных групп обновляющейся страны. Одной из составляющих консолидирующего проекта выступает реактуализированная идея Евразийского союза, сформированная в начале XX в. российскими историками, эмигрировавшими в Европу после большевистского переворота.

В отличие от идей классических евразийцев, которые, по существу, радели за возрождение имперской концепции России, автор обращается к евразийцам иного концептуального дискурса, в основе которого лежала рядоположенность (паритетность) регионов Российской Федерации (т. н. «автономисты» Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев).

Ключевые слова: *Евразийство, модернизация социально-политического статуса всех регионов Российской Федерации, трудовая миграция, децентрализация Российской Федерации, реальная федерализация России как гарант сохранения ее территориальной и социо-политической целостности.*

Жангожа Р.Н. Політичні й цивілізаційні засади концепції Євразійського союзу. У статті розглядається сучасна соціально-політична ситуація в Російській Федерації, яка знаходиться в фазі пошуку державно утворювальної концепції-ідеологеми, що виступає консолідуючою ідеєю для різних регіональних соціальних груп країни, що оновлюється. Однією зі складових консолідуючого проекту виступає реактуалізована ідея Євразійського союзу, сформована на початку XX ст. російськими істориками, які емігрували до Європи після більшовицького перевороту.

На відміну від ідей класичних євразійців, які, по суті, дбали за відродження імперської концепції Росії, автор звертається до євразійців іншого концептуального дискурсу, в основі якого лежала рядопокладеність (паритетність) регіонів Російської Федерації (т.зв. «автономісти» Г.Н. Потанін і Н. М. Яринцев).

Ключові слова: *Євразійство, модернізація соціально-політичного статусу всіх регіонів Російської Федерації, трудова міграція, децентралізація*

Російської Федерації, реальна федералізації Росії як гарант збереження її територіальної і соціо-політичної цілісності.

Zhangozha R.N. Political or civilizational grounds of concept of the Eurasian Union. The article deals with the modern socio-political situation in the Russian Federation located in the search phase, forming the concept of public-ideologies serving consolidating idea for various regional social groups of the renewing country. One of consolidating projects is re-actualized idea of a Eurasian Union, formed at the beginning of the twentieth century Russian by historians who emigrated to Europe after the Bolshevik revolution. In contrast to the classical Eurasians, ideas of whom were essentially for the revival of Russia's imperial concept, the author refers to the Eurasians of different conceptual order - parity of the Russian Federation.

Keywords: *Eurasiansm, modernization of socio-political status of all Russian regions, labor migration, decentralization of the Russian Federation, real federalization of Russia as a guarantor of the preservation of its territorial and socio-political integrity.*

С точки зрения возникновения партикулярного понятия и самого направления исследования Евразийтва в качестве геополитической теории известно, что она возникла в среде эмигрантской интеллигенции 20-х гг. XX в. как реакция на события 1917 г. и была направлена отнюдь не на оправдание большевизма как централизованной авторитарной власти, но, в первую очередь, на использование их методов сохранения территориальной целостности деформировавшейся Российской империи. Несмотря на то, что евразийцев за, якобы, симпатии к большевикам резко порицали такие научные и общественные авторитеты, как Н.А. Бердяев, И.А.Ильин и Г.П.Федотов, это течение российской культурологической и геополитической мысли внесло заметный вклад в осознание исторических судеб народов России как некоей геополитиеской целостности.

Видными деятелями широкого дискурса евразийства как геостратегической идеи, восходящей к отдельным высказываниям Ф.М. Достоевского и российских славянофилов, были такие известные ученые различных областей науки, как филолог и культуролог князь Н.С. Трубецкой, историк Г.В.Вернадский, географ П.Н.Савицкий, искусствовед П.П.Сувчинский, религиозный философ Г.В.Флоровский, историософ и географ Л.Н.Гумилев («последний евразиец», как он сам себя позиционировал) и другие.

Взгляды этих ученых, если рассматривать их в самом широком контексте, сводились к утверждениям о том, что Россия – не Европа и не Азия, а совершенно самобытная страна-континент Евразия с преобладанием в ней не европейского, а «азийского» («туранского»), более органичного для нее начала. При этом Европа, включая западное славянство, представлялась евразийцам отнюдь не образцом, а опасным

для российской культуры фактором. Так, идеи представительной демократии, социализма и либерализма, по их убеждению, противопоказаны Евразии. По мнению евразийцев, они были искусственно имплементированы в Россию с европейского Запада. Российский социум уподоблялся, с их точки зрения, некой «симфонической личности», в которой православие, являясь системообразующим началом, не вступало в противоречие с другими, нехристианскими религиями и культурами, а плодотворно сосуществовало и интегрировалось с ними. В такой постановке христианство выступало не «элементом» определенной культуры, а активным «ферментом», привносимым в самые разнообразные религиозно-культурные и социальные страты (Н.Трубецкой). Подобно славянофилам, критикуя Европу и выступая против европоцентризма, евразийцы, те не менее, не грешили идеализацией бытия великороссов, хотя и считали, что европейцы, обогнав россиян в экспериментальной науке, отстают от них в идеологии и нравственности.

Базовой позицией в доктрине евразийцев было их отношение к роли государства как институту принуждения, особенно необходимого в условиях Евразии, где либерализм и слабая власть, по их убеждению, оказывались неприемлемыми для большей части населения. Переосмысливая славянофильское понятие соборности, евразийцы считали наиболее подходящей для России формой государственного устройства идеократию и этатизм. Говоря иначе, такой принцип организации общества, когда избранный народом «правящий слой» консолидируется благодаря идее (доктрине), а жесткая авторитарна власть выступает инструментом ее реализации. Что в российских условиях репрезентуется отнюдь не большевистской версией марксизма, а традиционным православием. «Тот тип отбора, который, согласно евразийскому учению, ныне призван установиться в мире, и, в частности, в России-Евразии, – считал Н.Трубецкой, – называется идеократическим и отличается тем, что основным признаком, которым при этом отборе объединяются члены правящего слоя, является общность мировоззрения» [1].

Практическое осуществление этого принципа евразийцы объясняли, в частности, организационными успехами большевиков, цинично подменивших православие квази-марксистской версией большевизма. В качестве апологетов российской идеократической идеи адепты Евразийства представляют интерес, в первую очередь, тем, что они ставили евразийскую многонациональную общность выше каких бы то ни было внутриполитических, в том числе и межнациональных и межконфессиональных, различий. Так, П.П.Сувчинский, провидчески обращаясь к гражданам будущей России, писал: «Отношение к Родине должно иметь аспект несоизмеримости со всеми внутриобщественными

отношениями; потеря этой установки ведет к гибели патриотической гордости и к утверждению беспомощно-индивидуальной гордыни и исключает возможность служения. А служить – это значит, поняв судьбу своей родины, волею творить ее < ... >. Необходимо во всей глубине пробудить историческую память России < ... >, которая за последние века стала мельчать, потеряла способность синтетически охватывать всю прошлую судьбу своей веры, культуры и государственности, перестала прошлое воскрешать в настоящем» [2].

Исходя из анализа текстов, посвященных концепции Евразийства, можно говорить о том, что она была создана представителями социально-философской и культурологической школы российских ученых-гуманитариев, оказавшихся в эмиграции, но пытающихся сохранить территориальную целостность Российской империи.

Можно по-разному относиться к мировоззренческой позиции авторов евразийской концепции, но следует отметить, что высокий интеллектуальный уровень, заданный ее идеологами (и, не в последнюю очередь, их высокий моральный авторитет в научном сообществе), обеспечил ее актуальность вплоть до наших дней.

Уже это обстоятельство побуждает современных ученых и политиков обращаться к теории Евразийства при разрешении вопроса о цивилизационной идентичности России как мультиэтнической и мультикультурной целостности. Более того, сегодня активизировались политические силы, которые, используя понятийный ряд и терминологическую лексику евразийцев, считают, что эта концепция имеет шансы стать основой национальной идеи России в ее геостратегическом развитии.

В контексте исследуемой темы следует отметить, что евразийская цивилизация на территории разрушающейся Российской империи понималась основателями евразийской концепции как совокупность народов, сосуществующих в месторазвитии Евразия и объединенных общим местоположением, историей, культурными традициями и вытекающими из них тенденциями и артефактами, хотя и различными по своему происхождению, языкам, религиям и традициям, имеющим общую типологию. Месторазвитием Евразии (Россия-Евразия) евразийцы называли территорию, совпадающую с территорией Российской Империи и ее правопреемника – СССР.

Евразийцы отмечали, что разделение этой территории на европейскую и азиатскую части по Уральскому хребту не оправдано с точки зрения единой экосистемы и, соответственно, геостратегии. И европейская зона империи – до географической границы с Азией, – и территории, расположенные в восточном и южном направлениях, относящиеся к Азии, по замечанию евразийцев, представляют собой гомогенные ландшафты, имеют подобные климатические режимы,

флору и фауну. В то же время они подчеркивали, что существуют серьезные различия между географически-климатическими режимами зоны бывшей Российской империи и Восточной и Западной Европы. До границы Российской империи – мягкие зимы и умеренное лето, мозаично-дробный ландшафт, после границы Россией – пространство резко-континентального климата: суровые зимы, знойное лето и протяженные равнинные территории.

Тесная взаимообусловленность экосистемы и этногенеза (которая в последующем была детально разработана Л.Н.Гумилевым в его исследовании «Этногенез и биосфера Земли»), макро- и микро-климатические условия, влияющие на условия и образ жизни населения, в котором развивается цивилизация, представляют собой неотъемлемую часть «симфонической» личности цивилизации, выступают фактором, определяющим основные системообразующие характеристики населения евразийского пространства.

Поскольку тундра и пустыня слабо заселены, доминантную основу народов Евразии составляют народы Леса и Степи. В своем большинстве это славянские (великороссы, украинцы, белорусы), тюркские, финно-угорские и монгольские (туранские) народы. Сосуществование в одном геополитическом и геостратегическом ареале, предполагающее тесную взаимосвязь хозяйственной, социальной и политической жизни, стало условием образования единой системы координат, некоей цивилизационной матрицей.

При всех различиях религиозных конфессий, верований и народных традиций, антропологических типов, происхождения народов Евразии, евразийцы находили и существенные сходства между ними. По их утверждению, антропологические типы евразийских народов представляются противоположными только при условии сравнения крайних представителей цепочки этих типов. К примеру, балтов и среднеазиатов. Если же сравнивать соседние типы – балтов, белорусов, украинцев, северных и южных великороссов, татар, башкир, якутов (саха), алтайцев, казахов, узбеков, то вся цепочка генотипов образует «антропологическую линейку», в которой один генотип органично и плавно «перетекает» в другой. Что же касается национальных языков этносов и суб-этносов Евразии, то и они, при всем том, что принадлежат к разным языковым семьям, имеют схожие тенденции, прежде всего, в области фонологии. В доказательство этой компаративистской версии Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон разработали концепцию «языкового союза», который, в отличие от «языковой семьи», объединяет языки не по признаку происхождения, а по признаку географического соседства.

Что же касается конфессиональных различий народов Евразии, то как для православных славян, так и для тюркских мусульман

и ламаистов (бурятов, тувинцев, калмыков и монголов), свойственны тесная взаимосвязь религии с бытом, стремление строить государственную политику и жизнь не на прагматизме, а на принципах идеократии.

Исходя из разработанной на основании приведенных наблюдений признаков и характеристик «евразийской системы координат», евразийцы делали выводы: а) с точки зрения геостратегии Россия-Евразия не является ни Европой, ни Азией и не их пересечением, но особой территорией – Евразией; б) народы Евразии не делятся на европейцев-славян и азиатов-туранцев, все они, по определению, являются **евразийцами**.

«Отцы-основатели» теории евразийства много сделали для того, чтобы показать неевропейскую, евразийскую природу самого великорусского этноса вопреки официальной российской/советской историософии, которая сформировалась в эпоху правления Романовых под влиянием западнических концепций и возводит великороссов только к восточным славянам, исключая при этом их азиатскую идентичность.

Кроме европейской составляющей евразийцы указывали и на «туранские», восточные корни великороссов (выступающих на территории Евразии в качестве системообразующего супер-этноса). Евразийцы отмечали, что в жилах великороссов кроме восточно-славянской течет и тюркская, и финно-угорская, и даже монгольская кровь. Это же относится и к языку великороссов, в котором можно обнаружить обилие (очевидное и латентное) татарских заимствований [3].

Российская политическая традиция евразийцами признавалась не столько европейской, сколько восточной, азиатской. Религия великороссов – восточное христианство, православие – более мистична, иррациональна, нежели христианство западное и в этом сходна с религиями и верованиями Востока. Евразийцы считали, что великороссы должны избавиться от плена западнических идей, осознать, что они не являются европейцами и никто в Европе их таковыми и не считает, и на этом основании принять свою близость к восточным народам как объективную данность. Следовательно, – исходить из этого императива в формировании задач своего геостратегического развития.

Рассматривая периодизацию истории России, евразийцы выделяли несколько периодов. Первый – государства кочевников (с первого тысячелетия до н. э. до XIV в. н.э.), когда последовательно сменяли друг друга империи скифов, сарматов, гуннов, булгар, хазар и монгол. Правящим слоем там были кочевники, идеологией – в их понимании – язычество и шаманизм, которые они путали с неисследованной и доныне монотеистической религией – Тенгрианством.

По классификации евразийцев второй период российской истории – это эпоха великорусского доминирования в Евразии – с XIV в. по 1917 г.) – Московское царство и Петербургская империя Романовых. Московское царство для евразийцев (как и для славянофилов) – кульминация русской истории. Но если славянофилы подчеркивали православный характер Московского царства, то евразийцы – его геополитическую и государственную преемственность с Золотой Ордой. Московское царство унаследовало все те земли, которые ранее входили в состав Золотой Орды [4]. Московское государство, подобно золотоордынскому, воплощало собой модель служилого государства, где все, начиная с крестьян и кончая аристократией, служат царю (или хану) и где селекция правящего слоя осуществляется в зависимости от приверженности государствообразующей идее. Эта модель противоположна западному государству того времени с его договорными отношениями между феодалами и королем и феодалами и вассалами и значительного влияния происхождения на социальный статус человека.

Последнее обстоятельство, имплементированное в «социальное тело» российского общества, стало, по мнению евразийцев, главной причиной его раскола: дворянство стало чувствовать себя европейцами в «Азии», а простолюдины – воспринимать свою собственную аристократию как инородную и чуждую социальную надстройку. Итогом внутреннего антагонизма между двумя основными сословиями российского общества стала Октябрьская Революция, которую евразийцы понимали как стихийный ответ русского народа и других народов Евразии на насильственную европеизацию.

Октябрьская революция открыла третий, советский период истории Евразии. Она, с точки зрения евразийцев, объективно была национально-освободительной. Свергнув немецкую династию и прозападный правящий класс, более трех веков правивших Россией, большевики вырвали страну из пут западного капитала, превращавшего Россию в неявную колонию Запада. Однако в этой части своих суждений евразийцы впадали в очевидное противоречие: Октябрьский переворот в России возглавили коммуно-большевики – адепты радикальной западной идеи, не понимающие специфики России и неправильно трактующие ее геостратегический статус. Большевики восстановили территориальную целостность России как сверхдержавы, создали сильное, авторитарное, идеократическое государство вопреки своим теориям интернационализма, декларировавшего отмирание государства.

Евразийцы воспринимали как полезные находки декларативный федерализм, однопартийную систему, комсомол, Советы. Позитивным евразийцы считали и то обстоятельство, что правящий слой теперь

формировался из представителей всех народов и сословий Евразии. Однако евразийцы резко критиковали сами идеи коммунизма, считая их ложными и не применимыми по отношению к Евразии с ее культурной самостью. Они прогнозировали, что это несоответствие евразийского духа и западнической идеи неотвратимо разрушит СССР. При этом они наивно возлагали надежду на то, что Запад воспользуется дезинтеграцией евразийского пространства в своих целях, чтобы уничтожить СССР, дав тем самым импульс для возрождения Евразии, которая, вобрав все лучшее от советских институциональных реформ и вооружившись новой евразийской идеологией, возродится как государство.

Говоря о Евразии как о геостратегическом пространстве и о евразийстве как о масштабном геостратегическом и историко-культурном проекте, было бы справедливым осуществить анализ научного наследия российских исследователей П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827-1914), Н.М. Пржевальского, В.Е.Грум-Гржимайло (1861-1921), Г.Н.Потанина (1835-1920), Н.М.Ядринцева (1842-1894), казаха Чокана Валиханова (1835-1865), якута Г.К.Ксенофонтова (1888-1938), В.В.Радлова (1837-1918), Н.И.Конрада (1891-1070), бурятов Доржи Банзанова (1822-1855) и Г.Ц.Цибикова (1873-1930) и еще целого ряда блестящих исследователей Евразии как первопроходцев евразийской темы.

К сожалению, даже экспресс-анализ основных трудов этих ученых, подлинных основателей Евразийской теории как историко-культурной целостности, а не как геополитической версии «либеральной империи», выходит далеко за пределы формата настоящей статьи. Вполне естественно и то, что современная генерация евразийцев (как они себя безосновательно называют) либо не знакома с их научным наследием, либо сознательно игнорирует их по идеологическим соображениям. Между тем, комплексное исследование и реставрация идей, заложенных в трудах этих ученых, кроме собственно научной ценности, могла бы быть использована для гармонизации межэтнических, социальных и культурных отношений внутри геополитического пространства Евразии. Более того, подобного рода исследования могли бы стать мощным импульсом для подлинного возрождения Евразии как полноправного субъекта мировой цивилизации. Однако сколько-нибудь заметных тенденций исследований в этом направлении пока не замечается, а потому ограничусь некоторыми тезисами замалчиваемых официальной российской и советской наукой работ Г.Н.Потанина, касающихся его видения административного устройства Сибирского края. Отмечу при этом, что главной причиной забвения научного наследия Г.Н.Потанина был его, так называемый «автономизм» или «сибирский патриотизм»,

что, на мой взгляд, более соответствует гражданским позициям и мировоззрению ученого.

Григорий Потанин как исследователь и гражданин полагал, что оптимальная модель социально-политического и административного устройства евразийского пространства должна представлять собой горизонтальную систему самоуправления. Соответственно, политико-экономическими и историко-культурными приоритетами для местного населения должны выступать ценности, сложившиеся, выработанные местными традициями и социально-культурными реалиями, а не привнесенные директивами, а значит – и абстрактными и, в силу этого, чуждыми для системы хозяйствования, социума, культурных традиций и менталитета местного населения.

В письме своему коллеге и единомышленнику Н.М.Ядринцеву Г.Потанин писал об устройстве Сибири по образцу Швейцарской конфедерации следующее: « Я хочу <…> показать, как хорошо бывает в маленьких государствах, где все общественные деятели знают друг друга, где масса близко стоит к домашней жизни своих вождей, где и общественный деятель действует не как теоретик, часто далекий от жизни, а как участник местной жизни, где для каждого в общественных делах существует самый проницательный контроль» [5].

Во время своего пребывания в ссылке Г.Потанин пришел к окончательному выводу, что бюрократическое сознание нивелирует местные особенности и интересы. Он начинает работу над учебником по родиноведению: сначала ребенок должен знать и полюбить свой город и село, затем – область и лишь потом страну. Для каждой области должен быть свой учебник [5].

В процессе колонизации Сибири административная политика, не имея выраженного идеологического оформления, определялась задачами включения в российское подданство сибирских народов и закрепления новых территорий за Россией. Ее основные установки отражали предшествующий опыт Московского княжества по «собиранию» земель и взаимодействию с нерусскими (финно-угорскими) и неправославными народами Урала и Поволжья. В отношении покоренных народов были также применены элементы политики Золотой Орды. При всей вариативности применительно к присоединению отдельных территорий и народов принципы административной политики в Сибири на протяжении всего времени практически не менялись. В их основе лежало сочетание сотрудничества в первую очередь с нерусскими военно-политическими элитами и жесткими административными и репрессивными мерами.

Одним из методов административного управления стало усиление административной роли родоплеменной знати. Принципы этой

политики были заложены в инструкции С. Л. Владиславича-Рагузинского (1728 г.) [6], которая была разработана для Забайкалья, но оказалась применима ко всей Сибири, развиты в указах 1730-50-х гг. и закреплены сенатской инструкцией 1763 г. секунд-майору А. Щербачеву, возглавившему т. н. Первую Ясачную комиссию [7].

С начала XVIII в. в целях достижения конфессиональной сплоченности населения Сибири и превращения аборигенов в полноценных подданных стала проводиться политика их массовой и даже насильственной христианизации. К концу XVIII в. были крещены основные сибирские народности кроме тех, кто к тому времени приняли буддизм и ислам. Избегая проблем в отношениях с буддизмом и исламом и чтобы поставить обе религии под контроль, власти вынуждены были изменить отношение к ним от неприязни (в начале XVIII в.) до их легитимизации (конец XVIII в.).

Все эти и другие административные реформы привели к тому, что политика государства по отношению к коренному населению Сибири стала компромиссней. Однако она не устраняла полностью негативные последствия жесткого режима времен начала колонизации. В этот период массовый характер приняло занятие переселенцами-крестьянами земель коренного населения, что не давало оснований для взаимной комплиментарности между автохтонным населением и мигрантами. Широкое распространение получили обращение «иноземцев» в холопов и торговля ими, происходящие при полном попустительстве властей [8-12].

Одним из базовых документов, регулирующих правовое поле Сибирского края, был «Устав об управлении инородцев», в котором отразилось стремление примирить консервативно-охранительный курс самодержавия в отношении коренного населения с объективной потребностью в реформах, вызванных к жизни углублявшимся процессом интеграции его в систему общероссийских социальных и экономических связей.

Устав закреплял за коренными народами их земли, определял порядок и размеры взимания налогов, регулировал торговлю с русскими купцами, распространял на аборигенов уголовное законодательство. В отношении религии этот законодательный акт придерживался толерантности, хотя «иноверческое духовенство» ставилось под контроль полиции. В целом Устав обеспечивал существование традиционного хозяйственно-экономического и социально-культурного уклада жизни, предусматривая при этом их неотвратимую ассимиляцию. В своих основных положениях Устав действовал до 1917 г. Он не привел к полному исчезновению региональных особенностей, но способствовал их заметному нивелированию.

Во 2-й половине XIX в. в административной политике России произошли качественные изменения, связанные с присоединением к России Кавказа, Казахстана, Средней Азии, Приамурья и Восточного Приморья, укрепление российских позиций в Горном Алтае, расширение колониальной экспансии на Туву и Монголию. Геополитическое расширение способствовало стабилизации положения на южных границах Российской империи, которая, благодаря этому, стала меньше опасаться иностранного влияния на своих южно-сибирских и среднеазиатских «инородцев» в их стремлении выйти из российского подданства. Это открывало возможности для более активной ассимиляции «инородцев», более откровенного наступления на их территории, потребность в которых значительно возросла с начала массового переселения в Сибирь российских крестьян. Крестьянская колонизация еще с «Сибирского взятия» рассматривалась как важнейший фактор русификации присоединяемых земель. Во 2-й половине XIX – начале XX в. она стала основой имперской геополитики, направленной на безусловную и окончательную аннексию азиатских территорий Росси.

В целом, в конце XVI – начале XX в. административная политика в Сибири эволюционировала от военно-колониальных методов управления к административно-территориальной системе управления по общероссийскому образцу и изменению социально-правового статуса и хозяйственно-культурного типа аборигенов, способствовала их переориентации на новые отрасли хозяйственно-экономической жизни, аккультурации и ассимиляции. Включению в правовое пространство империи и, в конечном счете, к ликвидации особого сословия «инородцев» и созданию в Сибири единого этнокультурного пространства.

Однако централизованная система управления благоприятствовала инертному бюрократическому аппарату назначенцев и временщиков, созданию более чем благоприятных условий для тотальной и безнаказанной коррупции, самоуправству чиновников-временщиков, а также появлению целого ряд проблем, которые либо не решались вовсе, либо решались в пользу чиновников, а попытки местного населения сопротивляться беспределу чиновников оборачивались для них жесточайшими репрессиями.

Сегодняшний проект Евразии приобретает для российских властей ключевое значение. Крылатая фраза вождя российской революции В.И.Ленина о том, что «верхи не могут, а низы не хотят» обретает свое второе рождение. Действительно, реализация геостратегического проекта Евразия, в основании которого лежит территория Сибири и корпус высококвалифицированных рабочих и ученых, решающих высокотехнологические задачи, будет зависеть от формирования

нового мышления российских политиков и политической воли власти. И того, как проблема цивилизованного приращения Сибири в качестве органической составляющей Российской Федерации сможет определить ее исторические перспективы.

Использованные источники и литература:

1. Трубецкой Н. К проблеме русского самосознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.conservatizm.org/seminars/.../171209023935.xhtml.
2. Сувчинский П. Страсти и опасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.onservatizm.org/seminars/.../171209023935.xhtml.
3. Сулейменов Олжас АЗ і Я: книга добромисного читача: пер. з рос. / О. Сулейменов. – К.: Вид-во Жупанського, 2009. – 339 с.
4. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. // Общеславянский элемент в русской культуре. – М.: Эксмо, 2007. – С. 286-287.
5. Подшивалов Игорь Патриотизм свободной Сибири [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.syndikalist.narod.ru.
6. Вікпедія [Елетронний ресурс]. – Режим доступу: http://ru.wikipedia.org/wiki/
7. Энциклопедия Забайкайлья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=353.
8. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.) [Элетронный ресурс]. – Режим доступу: http://law.edu.ru/book /book.asp?bookID=53776
9. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века: монография / Л.М. Демешек. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 165 с.
10. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.) / А.Ю. Конев.– М.: Изд-во РАН, 1995. – 217 с.
11. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад: пер. с нем. / А. Капплер. – М.: Из-во Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
12. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль / Е.П. Коваляшкина.– Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 326 с.